

А.Ф. Иорданов

Архетипический психологизм маскулинности в художественной литературе

Практически каждое известное нам общество выстроено на идеях гендерного различия и политике гендерного неравенства. Именно поэтому фокус антропологического изучения половых ролей и гендерного поведения чрезвычайно широк в современной науке. Если женские роли исследовались в феминистской литературе плодотворно и в самых разнообразных ракурсах, то маскулинная проблематика лишь в последнее время обретает равновеликий статус в отечественной психологии. Предмет нашего исследования – культурно-психологические конструкты, связанные с мужским полом, и их воплощение в художественной литературе. Художественная литература как культурно-идеологический институт завершает создание гендерных различий и воспроизводит гендерный порядок [1].

Хотя вряд ли существует одно простое определение мужественности, можно предположить, основываясь на анализе этнографической, психологической и художественной литературы, что есть что-то родовое, повторяющееся из поколения в поколение, из эпохи в эпоху в представлениях о том, как должен себя вести «настоящий мужчина». По сути, несмотря на некоторые этнокультурные поверхностные вариации, речь идет о конвергентных сходствах в концепциях, символике и выражениях маскулинности в большинстве известных обществ. Явно в представлениях о психологической интеграции мужчин в социумы, о маскулинности универсальное преобладает над уникальным и разнообразным.

Любые типы обществ поощряют своих членов мужского пола действовать в соответствии с идеалами мужественности, обеспечивающими как индивидуальное развитие, так и групповую адаптацию. Культуры неизбежно создают одобряемые формы мужественности. В частности, постоянно повторяется представление о том, что истинная мужественность отлична от простой анатомической принадлежности к полу, что она есть не естественное условие, наступающее автоматически по мере биологического созревания, а, скорее, искусственно созданное состояние, которого юноши должны достичь, преодолевая многочисленные силы противодействия.

Как социально-психологический образ женственность оценивается совершенно по-другому. Она предполагает чаще внешние по сути формы поведения, которые, скорее, подчеркивают, чем создают неотъемлемые качества атрибутов пола. Проверка женской аутентичности

редко включает драматические испытания: доказательства силы, способности действовать при конфронтации с опасными враждебными силами и т.д. Женственность чаще представляется как биологическое качество, которое подчеркивается и усиливается с помощью средств культуры, чем как критический рубеж, который необходимо преодолеть в результате серьезных испытаний.

Почти у всех народов настоящая мужественность – это ценный статус, который можно утратить; он не сводится к простой констатации пола и возраста; это весьма почетный образ, о котором мечтают мужчины и соответствия которому их культура требует в качестве условия принадлежности к ней самой. Хотя степень необходимости постоянного подтверждения статуса мужественности варьирует в разных культурах, это универсальный, неизбежный и обязательный социально-психологический атрибут даже в тех обществах, в которых при наличии относительного равенства полов все равно существуют мужские испытательные инициации.

Поиск славы и героических дел как мера мужественности обрел самостоятельную жизнь еще в греческой культуре. Так, у Гомера в «Илиаде» Ахилл готов поменять долгую, но бедную событиями жизнь на короткую, но насыщенную подвигами и славой. Одна из мифологических моделей негибкого мужчины, покрытого славой, воплощение древнегреческого идеала – бесстрашный и хитроумный путешественник Одиссей, объединяющий аспекты морали и практической эффективности. Героическая поэма Гомера передает в легендарной форме все основные атрибуты древнегреческой мужественности: героические странствия, прагматичность и полезность. Мужественный образ в древней Греции – это поощрение постоянного проявления инициативы, оцениваемой достижением измеримых целей.

Подобная беспокойная концепция мужественности воспроизводится раз за разом и в современной художественной литературе. Ее можно найти не только, например, у Хемингуэя и его последователей, но и среди представителей более «мягких» автобиографических стилей. В произведениях современных романистов мужчины постоянно учатся тому, как быть мужчиной, или тому, как трудно мальчикам выбрать правильный путь. В этих представлениях постоянно повторяется тема упорной работы и эффективной деятельности в сочетании с параллельным тезисом о том, что эта «мужская» этика должна быть искусственно возвращена в сомневающих или пассивных мужчинах, которые в глубине своей души предпочитают «не пытаться».

Так, например, в рассказах Германа Мелвилла герои часто воплощают бесконечный поиск самоопределения и подтверждения своей мужественности. Критики даже говорят о том, что морские истории Мелвилла – как автобиографические, так и вымышленные – отражают

неразрешимый конфликт между необходимостью мужского самоутверждения в специфически энергичном, материалистическом стиле современного общества и склонностью к пассивной зависимости, внутренне присущей личности самого писателя. Эта тема амбивалентности ярко заметна в рассказе «Бартлби-переписчик», действие которого происходит на Уолл-стрит. Герой этой почти сюрреалистической фантазии – пассивный клерк Бартлби – жалкая тень мужчины. История прослеживает его прогрессирующую мужскую атрофию: Бартлби отказывается работать, даже заботиться о себе и постепенно угасает, к ужасу своего работодателя с биржи, который фиксирует все это на бумаге, сначала с все возрастающим раздражением, а под конец – в угрюмом отчаянии. В финале, несмотря на все увещания своего босса, Бартлби умирает от голода, свернувшись, как зародыш, в подземной камерке под названием «Могилы». Когда ему предлагают воспользоваться подходящими предложениями и заработать немного денег, он постоянно отвечает: «Я предпочитаю не пытаться», - и замыкается в своей пассивной молчаливости. Название «Могилы» (материнской утробы) в рассказе – очевидная метафора инфантилизации, а сам сюжет – фантазия о возвращении в состояние младенческой беспомощности, которая кончается высшей формой пассивности – смертью. Универсальным маркером маскулинности является также сексуальный магнетизм. В художественной литературе множество примеров, демонстрирующих стили ухаживания. Как правило персонажи-мужчины завоевывают расположение возлюбленных, совершая героические подвиги во имя интересов своих социальных групп. Классический случай – это образец мужества у Шекспира, Отелло. В трагедии, одной из главных тем которой является мужская честь с ее сексуальными компонентами, капитан-мавр уводит желанную Дездемону у целой толпы менее удачливых претендентов.. В самом начале действия Отелло появляется перед герцогом Венеции, чтобы объяснить и ответить на обвинения менее мужественных Яго и Брабанцио в том, что он использовал колдовство, чтобы соблазнить Дездемону. Как же мог иначе, спрашивают они, этот мужлан-воин добиться успеха там, где потерпели неудачу гораздо более подобающие претенденты? Но причина его успеха – не только приятная наружность и физическое очарование. Любовная магия, которую он использует, скорее, блестящая история его военных приключений. Узнав об этих «чудесных избавленьях от угроз смертельных», Дездемона влюбилась в отважного героя. По словам самого Отелло: «Я полюбился ей за подвиги мои, опасности, которым подвергался; А я ее люблю за жалость к ним. И в том лишь магия моя была заключена». Бесхитрое, но убедительное объяснение Отелло восстанавливает его честь и завоевывает уважение слушателей. Храбрость Отелло в делах служения республике сделала его неотрази-

мым и, следовательно, мужественным. В коллективном представлении маскулинность как раз часто и связана со сплавом чести и храбрости, из которых истекает сексуальный магнетизм.

Есть и другие контексты, в пределах которых мужественность оказывается связанной с предприимчивостью иного типа. Ее практический эффект – обычная тема западной художественной литературы; тема разрешения проблем, стоящих перед коллективом, фигурирует в большинстве мифологий мира как основа концепции культурного героя. Среди ученых, литературных критиков и писателей связь между героической изобретательностью и мужеством часто служит предметом восхищения, хотя и в гипотетических формах. Существует, например, почитаемая литературная традиция, которая идентифицирует маскулинность с актом художественного творения, с процессом «выплавления» красоты из неподатливого сырого материала. Среди тех, кто следует этой парадигме, определение маскулинности связывается с целенаправленным конструированием. Возмужание отождествляется с соединением разрозненных элементов в организованный порядок, наложением формы на хаос. В акценте на достижении результативных целей заключаются безусловное сходство маскулинности мыслителя, художника, прибавляющих обществу красоту и знания, с маскулинностью, измеряемой более грубыми осязаемыми результатами. Очень удачно выразил это сходство британский эссеист и эстет девятнадцатого века Уолтер Пейтер. Согласно Пейтеру, мужественность в искусстве имеет дело со «связью интуиции и вытекающей из нее цели, духом конструктивизма, противопоставленном тому, что определяется как бессвязность и распадается на куски» [1; 280].

Другая общая черта мужественности, объединяющая многие культуры, это ассоциация величины, выражаемой в мускулатуре, свершениях, наборе предметов потребления и т. д. Эта связь размеров и маскулинности, вероятно, универсальна и свидетельствует о пользе образов мужественности для стимуляции производства все большего объема материальных ценностей. Не случайно могущественного предпринимателя или политика называют «большим человеком», поскольку он достиг большой власти или добился большой продуктивности в деятельности. Во многих обществах, и это отражено в том числе и в художественной литературе, богатство или выдающаяся социальная позиция подразумевает креативную и манипулятивную силу, а эта сила сигнализирует о маскулинности; различают только детали. В итоге в основе всех критериев лежат личные достижения в результате решительных и уверенных действий. Для того чтобы узнать мужчину, составить о нем представление, необходимо увидеть его в действии.

Таким образом, очевидно, что глубинная структура мужественности или ее глобальный архетип все же существуют, хотя мы сталкива-

емя не с монолитным маскулинным кодом, а скорее, с континуумом мужественных кодов и образов. Мужественность – испытание в большинстве обществ; так этот конструкт и представлен в художественном творчестве разных эпох и народов, и нет сомнений в том, что эта статистическая частота что-то означает. Однако в современной литературе мужественность все чаще прямо и положительно коррелирует со стрессом мужской роли. Видимо, маскулинная идеология заставляет мужчин формулировать наказание в виде лишения статуса мужественности, а это наказание – суровое.

Библиографический список

1. *Киммел, М.* Гендерное общество [Текст] / М. Киммел. – М.: РОССПЭН, 2006. – 464 с.
2. *Pater, W.* Plato and Platonism: A Series of Lectures [Text] / W. Pater. – London: MacMillan, 1988. – 325 с.